

© И. В. Арнольд (С.-Петербург)

ГЕРМЕНЕВТИКА ЭПИГРАФА

Эпиграф – цитата или изречение, включенные между названием текста и его началом, иносказательно интерпретирующие текст как бы от лица другого автора “другим голосом”. Конституирующими признаками эпиграфа являются его диалогичность, интертекстуальность, эстетическая и эйдологическая (идейно-тематическая) функции.

Под герменевтикой эпиграфа мы будем понимать два аспекта его интерпретации. Во-первых, он должен быть понят как цитата, как часть прецедентного текста, т.е. интерпретироваться как герменевтический ОБЪЕКТ, во-вторых, он сам интерпретирует текст, которому предшествует, т.е. оказывается СУБЪЕКТОМ интерпретации.

Герменевтика эпиграфа литературного текста неотделима от его эстетической функции. Обе науки – герменевтика и эстетика – заняты воздействием на сознание и волю человека, но для герменевтики при этом особенно важно духовное освоение мира, а для эстетики – освоение мира по законам красоты. Духовная жизнь человека, однако, невозможна без освоения унаследованных из прошлого центральных категорий эстетики: прекрасное/безобразное, возвышенное/низменное, трагическое/ комическое. Как эстетика, так и герменевтика эпиграфа неразрывно связаны с диалогизмом. Концепция диалогизма М.М. Бахтина показывает, что всякое восприятие культурно-эстетических ценностей есть диалог между их создателями и другими участниками культурного процесса. Вся мировая культура в “большом времени” есть непрерывный диалог, в который включаются все новые и новые голоса.

С герменевтикой концепцию Бахтина связывает направленность на понимание. Свое развитие теория М. М. Бахтина поручила в теории интертекстуальности (термин предложен Ю. Кристевой, Бахтин этого термина не употреблял).

Благодаря присущей ему интенсивности информационной энергии эпиграф оказывается и важнейшим элементом герменевтического круга. С точки зрения теории интертекстуальности эпиграф – вид интекста, а в стилистике декодирования все виды интекста рассматриваются как выдвижение, т.е. такая организация контекста, которая формально подчеркивает – выдвигает на первый план особенно важные элементы содержания.

Для филологической герменевтики характерно внимание к понимаемым смыслам, которые даются в тексте неявно, имплицитно. Для эпиграфов имплицитность даже более типична, чем для художественных текстов вообще. Эпиграф образует как бы мостик между смыслами, уже имеющимися в тезаурусе из ранее воспринятых текстов, и смыслами в предстоящем прочтении, выполняя по отношению к последнему синтезирующую и оценивающую функцию.

И как субъект и как объект герменевтической интерпретации эпиграф допускает значительную вариативность понимания, а следовательно, и большую по сравнению с другими частями текста свободу сотворчества читателя, поскольку предшествующий контекст почти безграничен, а последующий очень велик по объему.

Сжатость эпиграфа обуславливает его синтезирующую функцию по отношению к основному тексту и противопоставит большому текстовому пространству романа. Этот контраст предъявляет большие требования к читательской компетентности – к “искусству быть читателем”. Герменевтически – это призыв к читателю выйти в рефлексивную позицию и учесть синтезирующую и ценностную функции цитаты.

Эпиграфы берутся из прецедентных текстов – так Ю. Н. Караулов называет особо значимые в познавательном отношении тексты, обращение к которым неоднократно возобновляется. Чем значительнее прецедентный текст, из которого взят эпиграф, тем большим числом ассоциаций и культурно-исторических и других контекстов он может обратиться к) протяжении веков и тем более разнообразны связи, возможные в сознании реципиента. М. М. Бахтин считал эти связи “в “большом времени” безграничными и рассматривал их как диалогический контекст.

Глубокое понимание и интерпретация эпиграфа возможны после прочтения текст или значительной части его, а для глубокого понимания текста существенны неоднократные возвращения к эпиграфу. Таким образом, эпиграф оказывается элементом герменевтического круга, по которому целое понимается на основе понимания частей. В силу присущей ему интенсивности информационной энергии, эпиграф оказывается очень важным элементом этого круга. Эта интенсивность информационной энергии обусловлена тем, что он несет в себе эстетический заряд того прецедентного текста, из которого он взят, а прецедентными обычно бывают величайшие произведения мировой литературы. Возможно также влияние ассоциаций с более поздними употреблениями.

Библейскими герменевтами эта традиция отражена пометами на полях текстов. В пометах указаны книги Библии, их главы и стихи, в которых можно было найти аналогичную мысль, событие или пророчество о нем. Экспрессивность

эпиграфа нередко усиливается за счет его образности или даже символичности.

Для первого аспекта герменевтического процесса, т.е. для понимания связи эпиграфа с прецедентным текстом, следует учитывать следующие стадии: 1) языковую – лексика, синтаксис, стиль, иногда перевод: 2) историко-филологическую и 3) ценностную – цитата может быть дана с пиететом или, напротив, иронически. Второй аспект, т.е. толкование последующего текста, включает понимание, интерпретацию, рефлексию и соотнесение с окружающей реципиента действительностью.

Для рассмотрения этих процессов обратимся сначала к трем величайшим произведениям русской литературы: “Белой Гвардии” Булгакова, “Анне Карениной” Толстого и “Бесам” Достоевского, а во второй части статьи рассмотрим несколько английских примеров.

В “Белой Гвардии” и в “Бесах” заметим некоторую аналогию в композиции эпиграфов. И там и там их два. Первый – из Пушкина, второй – из Священного Писания.

У Достоевского – цитата из стихотворения Пушкина “Бесы”, совмещающем образы бесов и метели:

Хоть убей, следа не видно
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

У Булгакова цитируется “Капитанская дочка”: “Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, сделалась метель ...»

Память реципиента, его тезаурус, ориентировка в семиосфере заменяют с некоторой степени те пометы на полях текста Библии, которые делаются герменевтами. Эпиграфы с описанием метели заставляют вспомнить, что в русской литературе метель стала традиционным образом или даже символом смуты на Руси. У Пушкина это – Пугачевщина, у Блока – революция, у Булгакова – гражданская война.

Второй эпиграф у Достоевского – довольно значительный отрывок из Евангелия - продолжает пояснять заглавие романа и также имеет образный иносказательный характер. Это – эпизод об исцелении бесноватого, о том, как Христос разрешил изгнанным из человека бесам войти в стадо свиней. Свиньи бросились с откоса в озеро и затонули (Ев. от Луки, гл. 8, с. 32-37). Эпизод метафорически сопоставим с событиями романа и с описываемой в нем общественно-политической обстановкой.

У Булгакова второй эпиграф: “И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими”.

Источник по условиям цензуры не указан. Но по содержанию догадываемся, что речь идет о Страшном Суде, а пророчество о Страшном Суде содержится, как известно большинству читателей, обладающих тем, что в герменевтике называется межтекстовой компетентностью, – в Апокалипсисе. (Откровения Иоанна Богослова). Библейское происхождение цитаты подсказывается не только содержанием, но и синтаксисом и стилем отрывка. В тексте романа разбросаны намеки на толстую книгу в черном переплете. Большой персонаж постоянно цитирует Библию. Вслушиваясь в цитаты, Алексей Турбин узнает их и советует своему пациенту перестать читать Апокалипсис (тут он назван уже впрямую).

Высокий стиль эпиграфа соответствует эстетике названия романа “Белая Гвардия” и поддерживается торжественным зачином. “Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный дрожащий Марс”.

Если читатель узнает, что эпиграф взят из книги, пророчествующей о конце света и Страшном Суде, это герменевтически придает соответствующую грозную тональность восприятию описываемых в романе событий и людей.

В аспекте герменевтики эпиграфа как объекта интерпретации важное значение приобретает оценочная функция. В процессе понимания важную роль играет горизонт понимания, включающий не только, например, знание биографии и творчества Булгакова, но и то обстоятельство, что читатель уже занимает по отношению к гражданской войне определенную оценочную позицию, возможно обусловленную идеологической обработкой. Эпиграф же говорит, что судить о правоте или неправоте участников борьбы будет, сообразно с делами их, сам Бог.

Герменевтическая функция эпитафия - в том, чтобы устранить возможную предвзятость и понять, что поступками офицеров, особенно Турбина, движет чувство чести и долга сохранить жизни не свои, а жизни юнкеров и других людей.

В этом втором декодирующем аспекте уже декодированный эпитафия оказывается стимулом для читательской рефлексии, при которой внимание читателя переключается на размышления над своими впечатлениями от прочитанного. Он может заинтересоваться полным текстом этого стиха и прочтет в Откровении (20, 12) изображение Страшного Суда: “И увидел я мертвых малых и великих, стоявших перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни, и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими”.

Оценочная функция присутствует и в знаменитом эпитафии к “Анне Карениной” - “Мне отмщение, и Аз воздам”. Толстой цитирует Послание апостола Павла к Римлянам (гл. 12, 19): “Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию”, ибо написано: “Мне отмщение и Аз воздам”. Апостол Павел цитирует при этом Моисея из Второзакония. На полях есть еще ссылка на Евангелие от Луки (гл.6), где в Нагорной проповеди Христос говорит о непротivлении злу. Таким образом, декодируя исходный текст, мы доходим до основной философской концепции Толстого, о котором потом помним, читая роман, а позднее ассоциируем с этим эпитафией эпитафия Булгакова.

Само собой разумеется, что из приведенных выше примеров отнюдь не следует, что в эпитафиях обязательны цитаты из Библии. И русская и вообще европейская литература использует множество других прецедентных текстов, особенно из Шекспира, Данте, Сервантеса, Гете и др. Цитаты из Библии и классиков могут функционировать как ссылки на авторитеты, подтверждающие и образно оформляющие важную идею; авторитет прецедентного текста выделяет в сознании читателя сверхзадачу текста.

В процессе коммуникации эпитафия несет и эстетическую, и идейную функции и реализует связь времен. Мы не всегда обращаем на него достаточное внимание.

Английские писатели, получившие классическое образование, нередко выбирают эпитафии из произведений античных поэтов, и тогда желателен соответствующий перевод в комментариях.

По Бахтину, каждый текст является трансформацией множества других текстов, и эта трансформация может начинаться с цитатного заглавия и поясняющего его эпитафия. Таких примеров в английской литературе немало: “Пестрое покрывало”, где Моэм использует стихотворение Шелли; “Зримая тьма” Голдинга, цитирующего Милтона: “Шутовской хоровод” Хаксли с эпитафией из Марло; “По ком звонит колокол” Хемингуэя с большим автографом из Джона Донна.

Очень часто в эпитафиях встречается Шекспир. Все части “Саги о Форсайтах”, например, имеют Шекспировские эпитафии: “Собственник” - из “Венецианского купца”, “В петле” и “Сдается в наем” – из “Ромео и Джульетты”. Эпитафии имеют образно-эстетическую функцию и характеризуют сюжет и отношения героев.

Следует обратить внимание на жанр источника эпитафия: в этих трех романах эпитафии, взятые из трагедий, ориентируют читателя на драматические конфликты в семействе Форсайтов. Совсем другой характер имеет эпитафия к “Последнему лету Форсайта”: “И так недолговечно лето наше”. Это - конец первого катрена 18 сонета, который начинается словами “Сравню ли с летним днем твои черты?”. То, что эпитафия взята не из драматического, а из поэтического произведения, очень существенно. Он сообщает рассказу лиризм в бескорыстном восхищении старого Джолиона красотой Ирэн. Лиризм, который на сюжетном уровне мог бы остаться незамеченным. Заслуживает внимания и особый тип связи заглавия и эпитафия, они связаны и общим словом “лето”, и грустной поэтичностью звучания.

Важно обратить внимание на информационную особенность эпитафия: он несет с собой комплекс тех эстетических категорий, которые присущи его прецедентному тексту: красоту и лиричность сонета, грозный и возвышенный профетический трагизм Апокалипсиса и т.п.

Этот ореол может придать эпитафии даже одно имя его автора. Разберем следующий интересный случай. Говоря об антиутопии Хаксли “Чудный новый мир”, все помнят пародийность этого названия, помнят, что название повторяет восторженное восклицание Миранды из “Бури” Шекспира, когда перед ней после жизни с отцом на необитаемом острове открывается “чудесный” мир людей.

Как-то незамеченным проходит в оригинале и вовсе отсутствует в переводе эпитафия, автором которого является

философ Бердяев. Он гласит: “Утопии оказываются гораздо более существенными, чем это раньше считали. И мы стоим перед очень тревожным вопросом, как избежать их окончательного осуществления. Жизнь движется к утопиям. И возможно, начинается новый век, век, когда интеллектуалы, образованная часть общества должны обратиться (вернуться) к средствам, как избежать утопий и вернуться к обществу менее утопичному, менее “совершенному” и более “свободному”.

Этот эпиграф является как бы жестким научным комментарием к тексту Хаксли, прямо ставит все точки над “и” и подкреплен авторитетом ученого с мировым именем.

В известном романе Хейли “Аэропорт” сведения об авторе эпиграфа сообщают ему романтическое и трагическое звучание. Эпиграф – отрывок стихотворения, в котором говорится о том, что автор ускользнул из скучных оков земли и танцевал в небе на серебряных крыльях смеха. А дальше указано, что эта цитата взята из сборника стихов “Высокий полет” Джона Гиллепси мл. (1922-1941) – лейтенанта Королевских Канадских ВВС. Автору, значит, не было 20 лет, когда он погиб в 1941 году.

Эти скупые сведения о судьбе молодого летчика заставляют читателя с большей серьезностью отнестись к ответственной, часто опасной и требующей высокой компетентности, работе всех участников авиационного дела на земле и в воздухе и повышают интерес к описываемым Хейли драматическим событиям.

В заключение приведем пример иронического эпиграфа. У того же Артура Хейли есть роман “Колеса”, описывающий людей и проблемы бурно развивающейся автомобильной промышленности конца XX в. Эпиграфом к нему служит выписка из приказа Юлия Цезаря, изданного в 44 г. до Рождества Христова. Постановление запрещает движение колесного транспорта (117 г. нашей эры): “В городе абсолютно невозможно где-нибудь уснуть, непрерывное движение повозок в узких извилистых улицах ... мертвого разбудит”. Даты эпиграфа могут тоже работать на толкование романа.

Разнообразие форм и герменевтических функций эпиграфов в поэзии еще богаче, чем в прозе, но даже для прозы эта обширная тема не может быть исчерпана в одной небольшой статье и заслуживает своей поэтики и эстетики, поскольку все эти науки направлены на понимание и интерпретацию литературного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М., 1990.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987